

ВИКТОР
УЛИН

маленькая
женская
хитрость

ПОДРУЖКА

СОДЕРЖИТ
НЕЦЕНЗУРНУЮ
БРАНЬ

18+

Виктор Улин

Подружка

«ЛитРес: Самиздат»

2012

Улин В.

Подружка / В. Улин — «ЛитРес: Самиздат», 2012

Если добропорядочный семьянин на пороге пятидесятилетия не готов броситься в пучину приключений с первой попавшейся девицей, годящейся ему в дочери, то ему не следует проживать следующие полвека. Но цель мужчины проста и одномоментна, а сознание женщины прячет Вселенную, она сама не всегда видит конечный пункт своих действий, основанных на хитрости, присущей лишь существам слабого пола. Но результат всегда результативен. © Виктор Улин 2019 г. – дизайн обложки. Содержит нецензурную брань.

© Улин В., 2012

© ЛитРес: Самиздат, 2012

Содержание

I	9
Конец ознакомительного фрагмента.	15

Л. Ф.

– Раздвинь там, – попросил Смирнов, глядя на дисплей фотоаппарата. – Чтобы все было видно.

Лариса опустила руку.

– Хорошо. Держи так.

Сверкнула вспышка.

– Теперь сядь на меня.

Он ощутил на себе ее пальцы.

– Нет-нет, пока просто сядь. Чтобы высывалось из-под тебя.

Она придавила горячим его живот.

– Теперь чуть назад.

Девушка передвинулась.

Светло-рыжие волосы были жесткими на вид и мягкими в самом деле.

– И как получается?

В ее голосе звучал неподдельный интерес.

– Отлично.

В самом деле, несложная «мельница» снимала достаточно хорошо.

– Потом покажу. А вот теперь садись по-настоящему. Не торопись, я буду снимать процесс.

Деревенская рука Ларисы была крупной, в ней могла утонуть нога.

– Отпусти. Ничего не видно. Разведи пошире, я направлю сам.

Она поднялась над ним, как Эйфелева башня.

Плавные изогнутые бедра девушки расходились в разные стороны, колени сверкали у его лица.

На ровном животе темнела родинка правильной формы; чуть выше рыжего островка бежал горизонтальный след от бельевой резинки.

– Снимать будете?

– Нет.

Он вздохнул.

– Чтоб твои красивые ноги так же красиво сфотографировать, надо отойти в угол комнаты. Отрастила под два метра, надо было постараться.

Это было именно так: Ларисины безмерно длинные ноги требовали пространства.

– Наклонись, пожалуйста. Чтобы груди свисали.

– Скажете уж «свисали».

Лариса покривилась; бюст у нее практически отсутствовал.

Но после длительной работы увеличивался раза в три.

– Вот теперь начнем.

Смирнов отложил фотоаппарат.

– В меня только не надо кончать.

Процедура была отлажена до мелочей, но Лариса всякий раз напоминала об одном и том же.

Это заклинание нервировало. Он сам знал, что можно делать, а чего нельзя, и в указаниях не нуждался. Но, видимо, девица обычно имела дело с мужчинами, которых требовалось контролировать.

Наслаждаться Ларисой было скучновато, сама она не стремилась ни к чему, хотя и испытывала определенное удовольствие.

Но его тело до сих пор работало исправно, работа заняла всего несколько минут.

– Кончаю.

Он все-таки предупредил, хотя мог сделать все молча.

Девушка молниеносно соскользнула вперед, не дожидаясь, легла, укрыла его лицо светлыми волосами – шершавыми и душистыми, недавно вымытыми.

– Все...

Его дыхание почти не сбилось.

– Хорошо. Дай тебя поцелую.

Приподняв голову, Лариса молча подставила губы, слегка прикусила.

Удовольствие спало, Смирнов уже не понимал, зачем все это нужно.

Девушка в постели, фотографии, выбор элементов.

Наверное, жизнь обошлась бы и без таких приключений.

И стала бы более прекрасной, хоть и не столь удивительной.

Она и была прекрасной сама по себе.

Веял ветерок, за приоткрытым окном сладостно шелестели листья дикого винограда, сквозь них пробивалось солнце.

Смирнов не видел, но представлял, как его блики прыгают по девушкиным ягодицам.

Возможно, в таком положении они выглядели фотогенично.

Лариса шевельнулась; лежать ей было не слишком удобно.

– Осторожно!

Он тронул ее бедра, загорелые до границы шорт.

– Переляг, я встану, вытру тебе спину, а то затечет куда не нужно.

Чуть приподнявшись, она сползла в сторону.

– Полежу так, вытирать не нужно. Пусть впитается, полезно для кожи.

Летнее солнце плясало по ее влажной спине даже веселей, чем он предполагал.

Запах удовлетворенного сладострастия стоял плотной массой, узоры вылинявших обоев дрожали в глазах.

Подумалось, как хорошо было бы вернуться в молодость и наслаждаться самым простым.

Но снова стать молодым не мог никто.

Мог лишь испытать иллюзию.

– Жаль, вы в презере не можете.

– Не не могу, а не чувствую. Не забывай, я гожусь тебе в отцы.

На ее поясище блестела пузыристая лужица.

– Фотографии посмотреть хочешь?

– Ага.

Лариса очень аккуратно повернулась к нему лицом.

Он протянул аппарат, пропахший всем, чем угодно, поскольку фотографировались они, не заботясь об испачканных руках.

Зачем Смирнову требовались эти снимки, он тоже не знал.

Но получал определенное удовольствие, снимая девушку и себя вместе с ней и само их слияние, пока оставалась возможность держать фокус.

– Классные фотки.

Девушка легла на спину.

Вряд ли она успела полностью высохнуть – он подумал, что постельное белье придется ставить на предварительную стирку.

– Как настоящая порнуха.

– Я старался.

– Знаете...

Усмешка Ларисы вышла почти непристойной.

- ...Когда после первого раза вы мне нарезали диск, я долго себя рассматривала.
- Себя?
- Ну да. Я же не видела, какой у меня клитор и все прочее... Я правду говорила – меня никогда в жизни голую не фотографировали.
- Она быстро ткнулась ему в плечо.
- Послушайте...
- Слушаю.
- Вы когда-нибудь видели, как кончаете?
- Смешок был горячим.
- Конечно видел. Ведь это же я сам.
- Я не то имела в виду. Со стороны.
- В зеркале?
- На фотке.
- Она сладко потянулась.
- Как вы кончаете кому-то спину?
- Этот момент самому не сфотографировать.
- А не самому?
- На автоспуске вряд ли получится подгадать момент.
- Не на автоспуске. Чтобы кто-то снял.
- Кто-то рядом?
- Ну да. Как вы меня трахаете, а потом брызги летят.
- Не знаю.
- Он подавил вздох.
- С одной стороны, такие варианты казались дикими.
- А с другой, в интимной разнузданности не имелось предела, каждую достигнутую ступень хотелось превзойти, чтобы избавиться от скуки, которая томила и томила.
- Что говорить попусту. Снимать нас все равно некому.
- Не попусту. У нас ведь еще остался один день?
- Ну да.
- Трудно было сказать, что вызвали в нем эти слова: досаду от приближения конца, или облегчение от ненужных приключений.
- Остался.
- Наташка нас завтра сфотографирует.
- Какая... Наташка?
- Кажется, он почти испугался.
- Мысли о фантазиях начали обретать конкретику.
- Подружка. Вместе живем на квартире. Тоже из Озерска, одноклассница.
- Учится с тобой?
- С ее козлами родителями хрена два поучишься.
- Почему козлами?
- Потому что козлы. Родить родили, на остальное наплевать. Она от них уехала, все равно куда. Решила ко мне. Работает каждую неделю в новом магазине.
- А она...
- Смирнов заговорил с осторожностью, какой раньше в себе не замечал.
- ...Она девчонка нормальная.
- Лариса понимала без слов.
- Мы в одной постели спим – не в том смысле, а просто кровать одна в одной комнате. Я ей свои голые фотки показывала.
- Он, кажется, присвистнул.

– Сердитесь?

– Нет.

Сердиться на то, что одна девица показывает второй свое голое тело, которое та наверняка уже видела, было смешно.

– Она про нас все знает, только не знает, кто вы мне.

– Пусть знает.

Знания неизвестной подружки из провинциального города Озерск волновали его меньше всего на свете.

– Каждый вечер вместе смотрим, телека не надо.

– И что сказала о нас твоя Наташка?

Все-таки он втянулся в разговор.

– Больше всего ей нравится, когда я лежу вся забрызганная.

– Мне такие снимки тоже нравятся.

– Я ее завтра с нами позову.

– А она согласится?

Мысль о том, что кто-то третий станет их фотографировать, в реальности была чудовищной.

И погнала такие предощущения нового, что стало жутковато.

– А с чего бы ей не согласиться поглазеть за бесплатно? Она давно уже интересуется.

Всем этим.

Лариса совершила волнообразное движение нижней частью.

– Вы не думайте, она тете Лене ничего не скажет.

– Да я и не думаю.

Он где-то читал, что секс при зрителях доставляет потрясающие впечатления.

Ему никогда не приходило в голову примерить такое на себя, но сейчас вдруг подумалось, что попробовать стоит.

Ведь жизнь, дающаяся один раз, уже подходила к половине века, времени оставалось все меньше, а варианты становились все скуднее.

– Тогда договорились.

– Договорились.

– Завтра берем Наташку.

– Берем.

Взмахнув ногами, как огромными ножницами, Лариса снова перевернулась на живот.

– Сегодняшние фотки тоже мне скиньте ладно?

– Обязательно.

Вероятно, происходящее происходило не зря.

I

1

С фотографий, собственно говоря, все и началось.

Хотя все вообще началось еще раньше. Эта Лариса, двадцатидвухлетняя иногородняя студентка, дальняя родственница жены, стала приходить к Смирновым – прибраться, помочь по хозяйству, налепитьпельменей. За работу ей платили.

Личико девушки красотой не отличалось, грудь практически отсутствовала, роскошными были только ноги.

Впрочем, Смирнова не волновали ни объем Ларисиной груди, ни длина ее длинных ног.

К ней он никогда не испытывал капли мужского интереса, равно как и девушка относилась к нему без капли женского.

Это казалось естественным и с точки зрения разницы возрастов и при существующем отношении к Ларисе в их семье, полностью самодостаточной.

Девушка приходила, Смирнов отстраненно любовался ее ногами, но забывал о них, едва за ней захлопывалась дверь.

Ничего большего он ждать не собирался.

Но наступило лето, и в ребро ударил бес.

2

Впрочем, изначально никто никуда не ударял.

Просто жена отбыла в командировку.

При работе представителя иностранной компании с головным офисом в Москве ее регулярно вызывали на совещание. Имея нестрогий график, она всегда продлевала отлучку, поскольку в столице обосновалась их дочь, весьма удачно вышедшая замуж.

В результате дважды в год Смирнов оказывался свободен как минимум на неделю.

Без супруги, без лишних дел и обязательств, он жил прекрасно – особенно по выходным.

Сначала высыпался до изнеможения.

Потом брился, принимал душ и, пренебрегая завтраком в пользу малой порции кофе, приступал к водке. Любимой, с его фамилией и номером эпохальной «Волги» на красно-белой этикетке.

Не опрокидывал пару рюмок, не оглушал себя стаканом, а медленно осваивал целую бутылку. Благо уже на обратном пути из аэропорта, еще ощущая вкус женой помады, покупал пол-ящика – на все дни с запасом.

Как истинный ценитель алкоголя, Смирнов не нуждался в компании. Более того, категорически не выносил застолий, народного пения, глупых тостов, пустых разговоров и слежения за тем, чтобы никто не пил слишком много или – что бывало чаще! – слишком мало.

На воле он употреблял только в одиночку.

Начав с утра, мягко наслаждался до вечера.

Отключал мобильный, не подходил к домофону.

Закрыв окна, запустив кондиционеры, весь день лежал на диване, поставив бутылку под руку на пол, витал в эмпиреях с какой-нибудь старой книгой.

И даже не обедал всерьез, а только подкреплялся «Смирновым» да каким-нибудь готовыми морепродуктами, тоже купленными заранее на весь срок.

Распорядок счастливых «отпусков на месте» был давно отлажен до мелочей, жена все знала, но не бранилась – вероятно, понимала, что глубокие разрядки мужа в ее отсутствие лучше регулярного пьянства с друзьями при ней. Знала она и то, что уже многие годы водка является единственной сущностью женского рода, к которой Смирнова стоило ревновать. Поэтому никогда ни о чем не беспокоилась и не заставляла волноваться его.

Этим летом тоже ничего не вышло бы за рамки, не выпади июль слишком жарким и не поспей на даче сливы.

Несмотря на плебейскую фамилию, Смирнов уродился аристократом. Любой сельский труд был ему имманентно чужероден, варенья он не ел даже в детстве, удовлетворял потребность в сладком за счет шоколада.

Но жена была рачительной хозяйкой, потеря плодов резала ее ножом. Поэтому, оценив ситуацию, она велела позвать Ларису, чтобы та поехала с ним и набрала слив хотя бы себе.

Поездка была нужна Смирнову, как раввину святое причастие. Вся его натура, жаждущая покоя и водочного одиночества, ей противилась.

Разумнее всего было бы сказать, что он звонил свойственнице, но по жаре той не оказалось в городе. Ложь прошла бы гладко, а дни при пятилетней внучке освободили бы жену от мыслей о сливах – которые, еще не доспев, насквозь червивели из-за старости деревьев.

Терять выходной ради пустого дела не хотелось.

Но суббот имелось две, при утрате одной все-таки оставалась вторая, а жена была одна. Он до сих пор любил ее, уважал с каждым годом все сильнее и не огорчал по пустякам.

Поэтому Смирнов послушно позвонил Ларисе.

Она никуда не уехала, сидела на съемной квартире, поскольку родную полудеревню посещала лишь при крайней необходимости, и уж точно не летом, когда там ждала пахота на домашнем огороде. В отношении неприятия крестьянства они были схожи.

Сбор плодов в чужом саду трудом не считался, она с радостью согласилась поехать за сливами в ближайшую субботу. В городе было пыльно, а Смирновская дача, где ей приходилось мыть окна, отличалась уютом.

Поездке он не придавал ни малейшего значения, вкладывающегося в факт совместного времяпрепровождения зрелого здорового мужчины и молодой девицы. Не быв монахом, но не имея качеств профессионального бабника, он пережил период плотских походов. Все прошлое ушло в прошлое от приоритета покоя над остротой ощущений.

Этот день следовало просто промаяться и забыть.

Чтобы занять себя хоть чем-то, пока Лариса возится между колючих стволов, он решил прихватить фотоаппарат.

3

Несмотря на априорную досаду, субботним утром Смирнов проснулся с неожиданно хорошим настроением.

В последние времена оно стало редкостью: по будням его угнетали мысли о работе – нелюбимой в той степени, в какой может быть любима любая работа в его возрасте – а выходные приносили тоску от того, что их предстояло прожить не так, как хотелось.

Но на этот раз пробуждение принесло странную радость.

Открыв глаза и осознав себя бодрствующим, он ни с того, ни с сего подумал о Ларисе.

Не о ее длинноногости, не о запахе ее тела, который все-таки достигал обоняния, когда она убиралась, просто о ней как безразличной ему – и безразличной к нему – молодой женщине, с которой по необходимости предстоит провести несколько часов на даче.

Причин к радости от мыслей о ней не имелось, но радость имелась бесспорно.

Впрочем, разбираться в причинах беспричинного Смирнов не видел смысла; в его возрасте любая утренняя радость была самоценной и не требовала разъяснений.

Он побрился тщательней обычного – хотя всегда предавался занятию с тщанием – и долго принимал душ. Потом выпил двойную дозу кофе, съел полпачки печенья с шоколадной глазурью, оделся во все свежее, как делал каждое утро.

Перед уходом из квартиры заглянул в холодильник, чтобы прихватить с собой коробку копченых мидий – одну из десяти, сложенных штабелем. «Смирнов №21» молча стоял на дверце и ждал вечера, который при любом раскладе обещал прийти. Ведь поездка на дачу ограничивалась временем сбора, больше там было делать нечего. Поистине стоило жить, как живется; отсрочка удовольствий из-за Ларисы со сливами обещала сделать эти удовольствия еще более удовлетворительными. А впереди ждало воскресенье, которое можно было провести чисто по-субботному, взяв в понедельник отгул.

Уже без раздражения он отправился за девушкой, по пути купил еще целую упаковку минеральной воды, которая на даче всегда пилаась легко.

Адрес был ему не только известен, но знаком: в минувшем феврале он отвозил Ларисе большую сумку с вещами, которые жена перестала носить, но сохранила в пригодном состоянии. Но та поездка доставила сплошные неудобства из-за снега, который занес богом забытый окраинный район, обитель пенсионеров да съемщиков, а сейчас все показалось почти прекрасным: лето расцветило солнцем убогие стены, заставило сверкать стекла, скрыло кустами разбитые тротуары.

И даже унылый бульвар радовал старыми липами, изумрудными и полными жизни.

Ларису он заметил издалека; в белых брюках и белом топе она сияла на условленном углу.

Обтянутые тонкой тканью, ее бедра выглядели невероятно привлекательными.

Девушка смотрела не в ту сторону – он посигналил, как мальчишка. Она услышала, обернулась, улыбнулась, у него на душе просветлело, хотя и так было достаточно светло.

Когда она подошла к машине, открыла заднюю дверь, поставила на пол два полиэтиленовых ведра, положила на сиденье пластиковый пакет, а сама села рядом с ним, Смирнову почудилось, что с ним едет не приходящая домработница за даровыми сливами, а просто женщина.

Правда, показалось это лишь на миг.

– Ты так сливы будешь собирать?

Сбор плодов всегда был сопряжен с пылью и грязью от коры.

– Нет, конечно.

Усмешка девушки вышла такой, словно она предугадывала нечто, лежавшее за пределами домыслов.

– В шортах, ясное дело. И еще купальник взяла.

– Это хорошо.

– Я тоже так думаю.

Сняв розовый обруч, она двумя руками растрясла по плечам длинные русые волосы – его обдало запахом свежих подмышек.

– Вы мне разрешите там чуток позагорать?

– Разрешу и не чуток.

Ответ вырвался произвольно, обусловленный вопросом.

На самом деле Смирнов думал лишь о том, как поскорее управиться и вернуться ко всему, что ждало дома.

Проехав до перекрестка и остановившись на красный свет, он все-таки еще раз взглянул на навязанную спутницу.

Лариса в белом была, конечно, хороша.

От нее сильно пахло телом, молодым и полным сил; длинные волосы, переброшенные на грудь, скрывали ничтожность последней, бедра круглились беззастенчиво, а отметка оспы на голом плече – левом, обращенном к нему – просила хотя бы потрогать.

Но тем не менее никакого отклика в себе он не ощутил.

Девушка не относилась к его типу. И, кроме того, была слишком близка его жене, вхожа в дом, являлась почти членом семьи.

Но на самом деле причина равнодушия крылась не в эстетике и даже не в социальном табу.

Смирнов не испытывал к ней живого интереса.

Лариса, для кого-то желанная и кем-то познанная, оставалась ему чуждой, как и он всегда был чуждым ей.

Но тем не менее, факт ее присутствия вызвал в душе нечто ненужное.

Именно в душе, а не в теле, но ненужное продолжало радовать той необъяснимой радостью, с какой началось утро.

4

Доехали они незаметно, по дороге слушая музыку и перебрасываясь редкими ничего не значащими фразами.

Поднявшись на крыльцо, Лариса сразу прошла внутрь и спряталась в единственной комнате дома.

Смирнов притащил на веранду минеральную воду, положил коробку с моллюсками в холодильник под крышку погреба, не спеша вынес шезлонги, разложил их в тени под черемухой.

Потом блаженно сел.

Его функции на несколько часов завершились.

Почти сразу вспомнил, что забыл взять из машины и книгу и фотоаппарат, но вставать было лень. Да и спешить не имело смысла, тары для слив гостя взяла больше, чем достаточно, ему предстояло сидеть и сидеть.

Закрыв глаза, Смирнов полностью расслабился, чему научился в совершенстве при отсутствии иных занятий на даче, когда рядом не имелось второго водителя и приходилось оставаться трезвым. Ночевать тут он не любил, всем лонам природы предпочитая душ с горячей водой. Впрочем, в эту субботу о ночевке речи не шло.

– ...Так пойдет?..

Он вздрогнул, потому что устроился спиной к крыльцу, ничего не видел, перед глазами покачивалась только листва высоких яблоней.

– ...Или сразу в купальник?

Девушка обошла шезлонг и подбоченилась перед ним, в розовой блузке и короткой серой юбке.

– Постой.

Обсуждение ее внешнего вида в планы не входило, но бес дернул за язык.

Ноги Ларисины, до этого момента представлявшиеся метровыми, сейчас имели в длину метра полтора. Ногти были накрашены розоватым перламутром.

– Ты вроде говорила про шорты.

– А в юбке не нравится?

Она быстро повернулась вокруг своей оси.

Юбка разлетелась, ноги сделались двухметровыми, показались белые трусики, Смирнов даже успел заметить, что они отделаны кружевами, а над интересным местом украшены разрезом, красной розочкой и бантиком из розовых ленточек.

– Ой!

Поймав взгляд, Лариса по-деревенски прикрыла рот ладонью, одернула юбку, потянула ее вниз.

– Извините, не хотела. Так получилось.

– Да ладно. Как получилось, так получилось. И вряд ли я увидел что-то новое.

Девушка прыснула, убогая шутка ее рассмешила.

Ситуация в самом деле была не волнующей, а смешной.

Она поправила кофточку, из-под которой вылезла силиконовая бретелька бюстгалтера, который для ее бюста не был обязательным.

– Но я, пожалуй, все-таки шорты одену.

– А у тебя что – есть и шорты?

– Конечно. Я всегда беру кучу вещей, никогда заранее не знаешь, что может понадобиться.

Взмахнув несуществующим подолом, она развернулась и убежала в дом.

Проводив ее глазами, Смирнов отметил, что Ларисины икры на редкость ровны.

Вернуться обратно в nirvanу безделья он не успел: перемена одежды произошла мгновенно. Меньше, чем через минуту девушка сидела в соседнем шезлонге, вытянув великолепные нижние конечности.

Смирнов так и подумал – «конечности» – чтобы заглушить беса, шептавшего на ухо, что ноги такой красоты он встречал лишь у одной женщины: своей жены, да и то в дни молодости.

– Посижу немножко, ладно?

Светло-оливковые шорты были ему знакомы; Лариса в них убиралась, на правой штанине светлело пятно, которое она выжгла отбеливающим средством, когда мыла туалет.

– А то совсем запарилась.

Она оттянула розовую блузку.

Очень белые бедра были влажными на вид.

– Есть хочешь? Или пить?

– Есть нет, я утром успела сварить целую кастрюлю макарон. А вот попить всегда можно.

– На веранде блок «*Ессентуков*», оставил на полу, было лень. Разорви, достань пару бутылок, остальное убери в тумбочку под стол.

Все-таки эта девушка была прежде всего прислугой, он уже привык давать ей указания.

– Счас схожу. Только малость отдышусь.

Лариса в очередной раз растрясла волосы – извечный предмет зависти жены, которая своими была недовольна и покупала парики.

– А чем тут так вкусно пахнет?

– Тобой.

Бес одержал очередную победу, выбросив ответ прежде, чем удалось подумать.

В самом деле от гостьи исходил такой сильный запах женщины, что его проигнорировать не смог бы даже евнух.

– Нет, чем-то вкусным.

Видимо, она была далека от него до такой степени, что не заметила двусмысленности – точнее, полной недвусмысленности слов.

– Ягодами.

– Какими?

Для него сейчас пахло только Ларисой, хотя он изо всех сил старался того не замечать.

– Лесными. Земляникой. Не пойму, откуда.

– А, ею...

Смирнов вздохнул облегченно; детали реальности возвращали в нормальное состояние.

– Растет за домом, цветет непрерывно и ягоды до самой осени.

Он встал.

На дальней террасе был кусочек дикого луга с цветущими травами, белыми ромашками и лесной земляникой, плодоносящей все лето. Там витал дух сильный и абсолютно бесчувственный.

Все вообще было бы бесчувственным, не оживи этот самый бес.

Девушка присела, выбирая из травы ярко алеющие ягоды. Перед глазами вспыхнули ее колени, которых Смирнов до сего дня не замечал.

Они были под стать прочим элементам Ларисиных ног: по-деревенски мощными, но гладкими и ровными.

Приманив взгляд, они не желали отпустить.

– Слушай, Лариса...

Слова вырвались сами по себе.

Смирнов понимал, что для собственной пользы надо молчать, уйти обратно, устроиться в покойном шезлонге.

Сидеть там, спрятавшись за книгой, пока девица не наберет слив и не придет пора уезжать, освобождаясь от искушений, которые, начали наступать.

Но незримый бес нанес удар.

Точный и сокрушительный – в ту часть тела, что лишает разума самых разумных мужчин.

Мир перевернулся с ног на голову.

То есть прежний, лишенный ненужных страстей до сих пор стоял на голове, а сейчас вернулся на ноги.

Остановиться он уже не мог.

– Послушай, Лариса...

– Я вас слушаю.

Она отправила в рот пригоршню ягод.

– Очвнимательно.

Весь вид ее выражал высшую степень довольства всем на свете.

Смирнов помолчал.

Не замолчал, вернувшись в чувства, а сделал паузу, подбирая слова.

Ведь, будучи давно знакомым с Ларисой, он не общался с ней глубже хозяйственных проблем, не представлял себе образ ее мыслей и боялся все испортить быстрым натиском. Хотя если прежде не имелось ничего, то, вероятно, и портить было нечего.

Бес бесновался, но им еще владели противоречивые ощущения.

Рядом с девицей Смирнов с безнадежным отчаянием понял, что еще не умер как мужчина.

Судьба представила возможность, упустить ее не стоило.

Жена, любимая и уважаемая, была далеко, а девушка с умопомрачительными ногами – близко.

Все, конечно, омрачалось тем, что девушка – не случайная знакомая. Любой поступок с его стороны осложнял давно устоявшееся.

Кроме того, вспомнился сюжет о развратном дядьке и целомудренной племяннице. Хотя целомудренной в возрасте, перевалившем двадцать лет, сегодня могла оставаться лишь полная дура, а Лариса душой не была.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.